

- Тогда ты сможешь поступить в лучшие университеты мира. Кембридж, Оксфорд, Фудан. Я не могу посоветовать тебе остаться, Гвен... я не могу.

Гвен вздрогнула. Оставить Блэкуоттл? Ее непосредственные мысли были о Юэ и Эльвии, которые так усердно работали вместе с ней, чтобы добиться завидного положения.

Юэ, чье буйство заставляло ее смеяться и кто помогал ей пройти через это ужасное испытание, кто стоял рядом с ней, когда она чувствовала себя на грани самоубийства и безнадежной. Эльвия, ее маленький ангел, ее фея, которая принесла утешение ее сердцу и усердно училась исцелять ее раны.

А теперь ее мать, ее проклятая мать, пришла сюда, думая, что она знает её лучше всех, пытаясь отнять у нее счастье, которое она так старательно создавала для себя.

Но Гвен не могла отрицать правду, которая скрывалась за словами Бартлетта.

Разве она сказала бы "нет" на это полгода назад?

Разве она сказала бы "нет", если бы у неё оставался тот же талант и сила, которыми она обладала всего лишь годом раньше, и поэтому, естественно, должна была поступить в школу, подобную школе Лилит?

Ответ был отрицательным.

Она бы поступила в Лилит с большим желанием!

Обе Гвен внутри нее: логичная, рациональная, зрелая Гвен, которая была прагматична и реалистична, а также подросток, которого она никогда не знала; одинокий, уязвимый и испуганный ребенок - кричали, что бы она приняла это предложение.

Бартлетт и Хелена смотрели на Гвен, которая стояла неподвижно, опустив глаза и уставившись в середину стола из красного дерева. Тиканье дедушкиных часов отдавалось эхом по всей комнате, словно удары молоточков по их разуму.

Это длилось всего минуту, не больше, но Хелена не отличалась терпением. Она никогда не умела ждать других, и тот факт, что Гвен не могла решиться на что-то столь простое и очевидное, ужасно действовал ей на нервы.

- Не могли бы вы оставить нас наедине, Магус Бартлетт?

Директор кивнул и направился к двери. Она закрылась с тихим щелчком, сопровождаемым звуком долгого, протяжного дыхания.

Хелена повернулась к дочери, стоявшей перед ней неподвижно, как статуя. Она оглядела своего отпрыска, оценивая ценность этого плода ее чресел.

У ее дочери были темные, пышные волосы, не уложенные и недостаточно ухоженные, но все же ниспадавшие с головы чернильным водопадом. Лицо Гвен было красивым, четко очерченным, как у ее отца, ее брови, которые требовали выщипывания, тем не менее, изящно выгибались, ее ненакрашенные ресницы были длинными и густыми.

У нее был прямой орлиный нос, изящный и заостренный, с хорошо очерченными скульптурными губами, которые от природы были мясистыми и пухлыми. Хелена любила глаза Гвен - они были ее собственными. Иногда изумрудный, иногда янтарный, ореховый в тусклом свете.

Лицо Гвен было светлым, немного свирепым на вкус Хелены, но симметричным и приятным для глаз, как издали, так и при ближайшем рассмотрении. У ее дочери была лебединая шея, длинная и изящная, начинающаяся от острых лопаток и заканчивающаяся неглубокой ямочкой. Плечи Гвен были подтянутыми и немного слишком спортивными, что должно было бы пройти, а ее длинные руки были тонкими и незаметными.

Хелена опустила взгляд ниже и с неудовольствием отметила, что ее дочь никого не ослепит своим ненавязчивым бюстом, по крайней мере без некоторой доли мягкого шарлатанства. Однако они были в хорошей форме, и, возможно, еще через год или два у них появится потенциал. Ее взгляд опустился еще ниже, на нижние конечности Гвен; это были гордость и радость Хелены. У Гвен были длинные и стройные ноги, которые заставляли ее двигаться и ходить с непринужденной грацией. Они были идеальны, будь то ее плотно сформированные ягодицы или округлые бедра, или ее недоверчиво вытянутые икры и лодыжки.

Хелена с завистью причмокнула губами; она едва могла вызвать сочувствие к своей бедной, глупой дочери, попусту тратившей время здесь, с этими плебеями.

Неужели она не понимает всей тяжести своего таланта, дара своей неземной красоты?

Мужчины, которые учились в этих элитных школах, их сыновья и племянники, сенаторы, члены королевской семьи и самое главное - магусы и магистры со своими протеже, видели в Лилит источник своих спутниц по жизни.

Они сойдут с ума по такой девушке, как она.

Хелена знала это, потому что сама училась там. Она была самой лучшей девушкой. Она собиралась прожить эту жизнь в паре с отпрыском Великого Дома, стать кем-то важным. Даже сейчас она могла представить себе ту жизнь, которую упустила, импульсивно выйдя замуж за отца Гвен из-за злых отношений с ее отцом и братом.

Но Гвен могла бы иметь все это. Ей очень не хотелось признавать это, но Гвен была лучше

подготовлена, чем она сама. Гвен была редким Квазиэлементалистом. Она была настоящей красавицей. Она была рождена, чтобы быть поставленной на пьедестал. Разве Гвен не хотела спокойной жизни? Она могла бы выйти замуж за одного из них. Неужели стать молодой женой магистра невозможно? Нет. Только не для ее дочери. Только не с таким даром, как ее кровь и талант.

Ложбинка между грудями Хелены вздымалась и опадала; глаза ее сверкали, как драгоценные камни.

- Гвен, - голос Хелены был песней сирены.- Ты знаешь, что для тебя будет лучшим выбором.

Руки матери обхватили пальцы Гвен. Руки Хелены горели огнем, Гвен - холодом и дрожью.

- Пожалуйста, Гвен, - повторила она. - Это для твоего же блага.

Хелена вцепилась в запястья дочери, как в двойные кандалы.

Нет!

"Нет, я никуда не уйду, чертова сука!" - закричала Гвен в своей голове. Хелена пригвоздила ее к какому-то забытому Богом кресту для исполнения своих личных желаний. Негодующий огонь поднялся внутри нее, зажженный вспышкой из ниоткуда.

ШЕВЕЛИСЬ! - приказала она своему спящему телу. ДВИГАЙСЯ, ТЫ БЕСПОЛЕЗНАЯ ДЕТДОМОВКА!

Глиф вызова Гвен внезапно вспыхнул, посылая поток энергии через ее элементальные врата, взрываясь по каналам в ее теле.

ВОТ ЧЁРТ!

Волна кобальтово-белой молнии вырвалась из ее рук и ударила мать прямо в грудь. На секунду Гвен показалось, что она видит скелет своей матери.

Как опытный маг, тело Хелены сопротивлялось неукротимой молнии Гвен, но даже так Хелена была на мгновение ошеломлена. Под матерью Гвен взорвалось кожаное кресло Бартлетта, извергая сине-белую плазму. Ковер был расписан фигурой Лихтенберга, вырезанной из кашемировой шерсти.

Но что еще более важно, письмо Гвен о принятии ее на работу вспыхнуло ярким пламенем.

Когда Бартлетт ворвался в его комнату, то, что увидел директор, заставило его задохнуться.

Раздражающая левитация - мать была словно громом поражена, ее идеальные волосы теперь превратились в беспорядок стоячей статики. Ее кремовое платье было испачкано ожогами, которые испортили часть ткани. Кроме того, старинное кресло для посетителей Бартлетта пошло по пути птицы додо.

- Вы... в порядке? - обеспокоенно спросил директор Бартлетт. Этот стул был единственным в своем роде!

Гвен тем временем начинала осознавать, что ее постигло потрясение. Ее разум превратился в сверкающий белый мир непрофильной паники. Она снова обрела свое тело, но теперь плыла вверх по ручью дерьма без весла.

Как отреагирует Хелена? Будет угрожать ей? Подает на нее в суд? Ударит ее? Ее мать была тщеславна, горда и иногда глупа, но она не была идиоткой. Она была самым манипулирующим и коварным человеком из всех, кого Гвен знала.

- Чудесно, - неожиданно произнесла мать, а из ее рта вырвалось немного пепла.

Что? Гвен поняла, что это не очень хороший знак.

- Я согласен... Что? - Бартлетт вторил мыслям Гвен.

- Какой чудесно направленный взрыв молнии, Гвен! Такая чистая, необузданная ярость. Вот это да! - похвалила Хелена, прежде чем отнять руки от запястий дочери, оставив на них два черных отпечатка.

Гвен посмотрела на Бартлетта, который выглядел таким же испуганным.

Они ждали, что Хелена продолжит.

- Ты напала на меня, дорогая, - печально пожаловалась мать, ее голос был спокойным и собранным. - Ты, неординарный маг, простой неофит, напал на меня, санкционированного мага и твоего родителя. Неспровоцированно.

Бартлетт почувствовал, как его безупречная борода растрепалась от такого дерзкого обвинения.

- Сейчас... сейчас, госпожа Сон - перебил он ее. - Миссис Хуан.

- Госпожа Хуан, Гвен не...

- Тебе лучше заткнуться к чертовой матери прямо сейчас, ты, правительственный плебей! - язвительный ответ Хелены расколол воздух, как хлыст, ее дыхание было одновременно огненным и серным.

Директор Бартлетт замолчал, его лицо приобрело цвет тресковой печени. Эта женщина была простым Огненным Проявителем, а он - искусным Призывателем. Если бы она не была родителем, он бы не возражал преподать ей урок хороших манер.

- Гвен... - продолжила мать, приглаживая руками свои растрепанные волосы.

- Ты моя должница. Гвен Сон, - вылинула она наконец сквозь скрежещущие зубы. - Если ты вообще хочешь продолжить свою карьеру как мага. Тебе лучше начать слушать тех, кто заботится о тебе.

Ее мать встала, затем поправила платье, теперь уже совсем изношенное. Она подняла руку, и из ниоткуда материализовалось кремовое и клетчатое пальто.

Кольцо хранения ... - заметил Бартлетт. Необычная вещь в пограничных городах. Только богатые и влиятельные люди могли обладать такими редкими магическими предметами. Он был Магусом, причем старшим, но даже он не носил такие магические предметы с такой небрежной легкостью. Его кольцо было получено на миссии; это не было личным предметом. Была ли Хелена членом знатного дома? В этом не было никакого смысла. Ее дочь была бедна, как церковная мышь!

- Я ухожу, - холодно заявила Хелена. - Пойдешь ли ты в Лилит или нет, но я надеюсь увидеть тебя в поместье твоего дяди на эти выходные; Кван просил о встрече. Ты сама навлекла это на себя, неблагодарное дитя. Я проявила должную заботу, как твоя мать.

А потом, словно уходящий шторм, она исчезла.

Гвен и ее директор встретились глазами друг друга с другого конца комнаты.

- Я сожалею о кресле, сэр - извинилась Гвен, не зная, что еще сказать.

- Не думай об этом, - ее Директор бросил на нее обеспокоенный взгляд. - Я сделаю для тебя все, что смогу, Гвен, но ... прекрати утечку маны.

- Благодарю вас, сэр.

Бартлетт наблюдал, как девушка уныло вышла из его кабинета, прежде чем сесть в уцелевшее

кресло. Он мог представить себе, что Хелена затаила злобу с упорством генетической памяти Гилы.

Оказавшись на улице, Гвен ослабила галстук, вытащила рубашку и устроила юбку поудобнее.

Поместье ее дяди.

Она не видела дядю Квана с тех пор, как семья распалась.

Дом ее дяди находился в Северном Сиднее, недалеко от Киррибилли. Она вспомнила, что это место было огромным и претенциозным, грубое здание с недостойным видом в гавани Сиднея.

- Независимо ни от чего, - предупредила ее мать.

Разумно, по крайней мере сейчас, у нее не было других вариантов, - с горечью признала Гвен.

Она вздохнула, чувствуя себя еще более усталой, чем когда-либо.

Не нужно быть прорицателем, чтобы понять, что ее ближайшее будущее будет отстойным.

<http://tl.rulate.ru/book/16999/716577>